

Глава 30. Прибытие в Пограничный город

Снег валил двое суток кряду, и всё это время Ли Цинвэнь и его спутники упрямо пробивались сквозь метель. Ветер в горах стонал на разные лады, вторя протяжному волчьему вою. Перед глазами не было ничего, кроме белой пелены, а стоило обернуться — и позади расстилалась лишь бескрайняя снежная пустыня.

В этом огромном мире, казалось, не осталось никого, кроме их небольшого отряда в несколько десятков человек.

Метель утихла лишь глубокой ночью. Каторжане, проснувшись от пробирающего до костей холода, полусонными глазами смотрели на догорающие костры, пытаясь подбросить веток, и вдруг замерли, обливаясь холодным потом. Из темноты на них смотрели десятки изумрудных глаз.

Волки. Пока люди спали, стая бесшумно окружила лагерь.

Подняли всех. Страх и холод пробирались сквозь кости прямо в тело, заставляя зубы невольно выбивать дробь. В кольце хищников огонь стал единственной защитой, но вчерашний хворост уже догорал, а в черном небе по-прежнему не было ни намека на рассвет.

С позволения старшего стражника люди пустили в ход топоры: разломали борта повозки, стоявшей ближе всего к снежному укрытию, и бросили доски в костер.

Ли Маоцюнь впервые в жизни видел волков так близко. Он слышал, что эти твари охотятся стаями и могут обратить в бегство даже тигра или льва.

— Что, если они не уйдут? — шепотом спросил он, не в силах скрыть дрожь в голосе. — Если мы сожжем всё, что у нас есть, то вряд ли продержимся и пару дней...

— Значит, такова судьба, — отозвался старший конвоир, не сводя глаз с огня во тьме. — Если они не найдут добычу полегче, то не отступят. Пока нас много, они боятся нападать.

Ли Цинвэнь смотрел в темноту, чувствуя, как ледяной холод сковывает его изнутри. Чтобы согреться, люди сидели, тесно прижавшись друг к другу. Мальчик прильнул к Цзян Цуну, и тот сразу почувствовал, как он содрогается.

В этой тишине, наполненной немым противостоянием, Ли Цинвэнь едва слышно спросил:

— Старший брат Цзян, тебе страшно?

— Нет, — мужчина поправил одеяло на плечах мальчика. — В схватке не на жизнь, а на смерть

тот, кто поддался страху, уже проиграл. Они — такие же существа из плоти и крови, они тоже смертны. Пока их не прижмет нужда, они не станут рисковать жизнью.

Ли Цинвэнь согласно кивнул:

— Да, ты прав.

Умом он всё понимал, но предательская дрожь в ногах никак не унималась.

— Твои братья говорили, что ты самый смысленый, — добавил Цзян Цун. — И верно, ты всё схватываешь на лету.

Юноша невольно улыбнулся.

— Даже когда я был дурачком, родные всё равно любили меня.

— Прошлое осталось в прошлом, — собеседник внимательно посмотрел на него. — Ты из тех, кто наделен врожденной мудростью. Таким людям требуется больше времени, чтобы войти в этот мир.

Ли Цинвэнь замер.

«Врожденная мудрость?»

— Что это значит?

— Так называют людей, обладающих изначальным знанием, — Цзян Цун едва заметно улыбнулся. — В буддийских канонах сказано, что некоторые дети кажутся медлительными лишь потому, что от природы наделены более глубоким пониманием и душевной широтой. Говорят даже, что они сохраняют память о прошлых жизнях и их таланты раскрываются лишь в подходящий момент. В народе ходит много преданий об этом, и мне кажется, ты — один из таких людей.

Сердце Ли Цинвэня пропустило удар. Описание врожденной мудрости пугающе точно соответствовало его опыту. Неужели этот человек заметил что-то необычное?

Мальчик в тревоге подумал:

«Я ведь чувствую себя обычным... Почему он так решил?»

— Я не вижу в себе ничего особенного. Почему ты так говоришь?

— Обычный тринадцатилетний мальчишка не стал бы, презирая смерть, защищать меня по пути к границе, — глухо отозвался Цзян Цун.

— Но ты ведь спас мне жизнь! — возразил Ли Цинвэнь. — Разве отплатить добром — это не то, что велит долг?

Собеседник не ответил прямо, лишь спросил:

— Твои старшие братья тоже здесь. Зачем же пошел и ты?

— Потому что спас ты именно меня! — выпалил Ли Цинвэнь. — И возвращать этот долг должен я!

Цзян Цун тихо рассмеялся.

— Обладать такой твердостью духа в столь юные годы... Нет, ты определенно не чета обычным людям.

Ли Цинвэнь почувствовал бессилие. Цзян Цун хвалил его в точности так же, как отец или братья — с той же слепой нежностью. Зря он только спрашивал!

Пока он предавался этим мыслям, мужчина притянул его к себе и, запустив руку под одеяло, принялся растирать его икры, которые от холода уже начинали сводить судороги. Руки у него были сильными и шершавыми, и от этих прикосновений боль в мышцах быстро начала отступать.

Ли Цинвэнь размышлял:

«А ведь если люди готовы принять и понять такую вещь, как врожденная мудрость, то, возможно, и моё появление в этом мире не выглядит таким уж пугающим?»

До этого момента его терзала невозможность открыться близким. Он, выходец из эпохи информационного взрыва, и сам с трудом верил в произошедшее, так как же мог понять это человек из времен, где погода считается знамением? Но больше всего он боялся, что занял чужое место. Где настоящий младший сын семьи Ли? Неужели он исчез навсегда?

Слова Цзян Цуна открыли перед ним иную возможность: быть может, то, что его душа оказалась в этом теле, не было случайностью? Вдруг он изначально принадлежал этой семье и просто вернулся чуть позже срока?..

От этой мысли тяжелая туча, висевшая над ним, внезапно рассеялась. Ли Цинвэнь глубоко вдохнул, чувствуя невероятную легкость на сердце.

Преисполненный благодарности, он обнял своего спасителя и искренне прошептал:

— Старший брат Цзян, ты мне как родной.

Цзян Цун подумал:

«Всё-таки он еще совсем ребенок. Только что дрожал от страха перед волками, а теперь сияет от простой похвалы»

Он лишь крепче обнял мальчика.

Доски повозки горели долго, поддерживая огонь до самого рассвета. Когда взошло солнце, волки отступили. Люди, всё еще содрогаясь от ужаса, поспешили собрать вещи. Стая не ушла совсем — серые тени маячили вдалеке, следуя за ними от открытых пустошей до самой кромки густого леса.

От лютой стужи деревья в лесу трещали и лопались, наполняя тишину резкими звуками. Конвоиры сжимали в руках луки, не сводя глаз с хищников. Оружие выдали и некоторым каторжанам — многие из них годами служили в гвардии и в ратном деле смыслили куда больше стражников.

Цзян Цуну достался самый тяжелый лук. Ли Цинвэнь попробовал натянуть тетиву, но та лишь едва подалась под его пальцами. Получив оружие, мужчина еще до того, как волки решились на атаку, подстрелил трех косуль. Видимо, осознав, что такая добыча им не по зубам, звери бесшумно скрылись.

Напряжение последних дней спало. Люди вдоволь наелись мяса и продолжили путь по глубокому снегу. В лесу не было недостатка в дровах, но опасности подстерегали на каждом шагу. Однажды они увидели черного медведя, но тот, едва показавшись, тут же скрылся. Трудно было сказать, помог ли звон колокольчиков или хищника напугала столь многочисленная толпа.

Старший конвоир заметил, что зимой в лесу спокойнее, а в теплое время года зверей здесь в разы больше.

Однако страшнее хищников был мороз. Цзян Липин и многие его люди обморозили руки и ноги. Ли Цинчжо растирал им пострадавшие места снегом, а глубокие раны перевязывал тканью, пропитанной маслом. Из шкур косуль соорудили подобие муфт и обмоток для конечностей.

Миновав лес, они достигли почтовой станции. Она была совсем новой, и из двадцати человек персонала там осталось едва ли двенадцать: одни умерли от болезней, других загрызло зверье.

Ли Цинвэнь долго не мог согреться на лежанке. Цзян Цун растирал его озябшие ступни и ладони. Мальчик порывался сделать то же самое, но сил совсем не осталось.

Суровый климат не пощадил и Ли Цинчжо. Сначала у него начался насморк, затем — тяжелый кашель, а к полуночи тело запылало в лихорадке. К счастью, он заранее запасся лекарствами. Ли Цинжуй полночи провел на кухне, готовя отвары. На привалах времени на это не было, поэтому решили наварить зелья впрок, чтобы в дороге его нужно было только разогреть. Эффект от такого лекарства был слабее, но выбора не приходилось.

Идти по глубокому снегу было невероятно тяжело. Дневные переходы сократились, поэтому они не задерживались на станции и выступали с первым лучом солнца.

За время пути запасы провизии поубавились, и на освободившееся место уложили больного Ли Цинчжо, укрыв его несколькими слоями одеял.

С каждым днем идти становилось всё труднее. Многие не выдерживали: люди впадали в истерику, осыпали конвоиров проклятиями, а иные и вовсе твердили, что лучше умереть на месте.

Тогда пригодилось вино, которое Ли Цинжуй купил в Лунбэе по совету старшего стражника. Каждому давали по несколько глотков крепкого напитка, чтобы внутри разливалось тепло.

Чтобы повозка не застряла в очередной яме, вперед пускали разведчиков прощупывать путь.

Рана Цзян Цуна заживала с поразительной быстротой. Если бы не уговоры Ли Цинчжо, он бы давно отбросил костыли. Он шел впереди всех, словно не замечая сугробов, и оставлял четкие следы, по которым ориентировались остальные.

Раньше Ли Цинвэнь знал о своем спасителе лишь из рассказов, но теперь, видя ту скрытую силу и блеск в его глазах, он начинал понимать, как этот человек смог в одиночку противостоять банде разбойников.

Мальчик поначалу прятался от ветра за спиной старшего брата. Снег под его ногами был уже утоптан, так что идти было легко. Но в какой-то момент юноша, сам того не заметив, оказался в самом начале колонны.

Он хотел пойти вровень с Цзян Цуном, но не сделал и пары шагов, как нога провалилась в пустоту. Тело резко ухнуло вниз, и Ли Цинвэнь по самую грудь оказался в снежной ловушке.

Испуганно вскрикнув, он попытался выбраться, но от его движений снег лишь глубже засасывал его. Цзян Цун мгновенно обернулся и, подхватив его за плечи, вытянул из сугроба, словно морковку из грядки, одновременно подавая знак идущим позади.

Снег был сухим и рассыпчатым. Мужчина парой шлепков отряхнул одежду мальчика.

— Иди строго за мной, — глухо произнес он. Лицо его было замотано тканью, виднелись лишь глаза, а ресницы покрылись густым слоем инея.

Ли Цинвэнь больше не смел своевольничать и послушно зашагал след в след за своим спасителем.

Наконец вдали показался дымок — их путь подходил к концу.

— Почти пришли! Мы добрались! — слышались радостные возгласы.

Ли Цинчжо приподнялся на повозке, чтобы взглянуть на цель путешествия, но силы быстро оставили его.

В сумерках отряд наконец достиг Пограничного города.

У края дороги стояли две невзрачные каменные хижины. Солдаты, услышав шум, высыпали наружу и с любопытством принялись разглядывать каторжан. Проверив документы стражников, они разрешили проход.

То, что именовалось Пограничным городом, оказалось лишь военным лагерем — скоплением глинобитных лачуг. Каторжане вышли на небольшую площадь. Там чиновник сверил людей со списками и поставил печати на документах конвоиров. На этом их миссия была окончена.

С Цзян Цуна, Цзян Липина и остальных сняли тяжелые колодки. Их тут же предупредили о карах за побег или неповиновение.

В отличие от стражников, для ссыльных не было предусмотрено жилья. Их отвели к небольшому гроту неподалеку. Это была тесная пещера, в которой такая уйма народу никак не могла разместиться. Солдат-проводатый и слушать ничего не желал: морозы ударили рано, и они едва успели достроить жильё для себя.

Запах нечистот в пещере заставил Цзян Липина поморщиться. Он схватил солдата за рукав:

— Слушай, парень, неужели нет места получше?

— Ты кого парнем назвал? Я тебе не брат по несчастью! — огрызнулся тот. — Не нравится пещера — ступай в конюшню. Всё равно вам там теперь каждый день навоз выгребать.

Цзян Липин осекся. Видя, что солдат теряет терпение, люди вошли внутрь. Места хватило едва

ли на двадцать человек. Ли Цинжуй догнал солдата и незаметно сунул ему несколько монет. Тот смилостивился:

— Свободных комнат нет. Кому в пещере тесно — идите в конюшню. Воняет там знатно, зато крыша над головой есть.

Сытые по горло ледяным ветром, Ли Цинжуй и Цзян Цун решили обосноваться в конюшне. Там и впрямь было просторнее, а зимой запах навоза был не таким резким.

Отдав немного вина и шкур косуль конюхам, они выторговали две каморки. Наконец-то у них появилось пристанище. Разгрузив повозку, люди свалили вещи в углу и без сил опустились на сухую солому. Каморки были примитивными, ветер свистел в щелях, но это было лучше, чем ночевать в снегу.

Ли Цинчжо привалился в углу, рядом развели костер. Ли Цинжуй и Цзян Цун, немного отдохнув, отправились за землей. Земля промерзла насквозь, и им стоило огромных трудов наковырять две корзины. Её отогрели у огня, смешали с водой и соломой и принялись замазывать щели в стенах.

Когда сквозняки утихли, в помещении всё равно было холодно. Ли Маоцюнь предложил:

— Надо сложить кан. Одним костром всех не обогреешь, а зима еще долгая.

На юге о канах и не слыхивали, поэтому многие лишь недоуменно переглянулись. Но мужчины часто бывали на севере и знали толк в таких лежанках, поэтому сразу принялись за подготовку. Старый конюх, наблюдая за их суетой, лишь хмельно икнул и вернулся к своей чарке.

Вскоре подоспели и первые наряды на работу. Цзян Липин с половиной людей отправился чистить стойла, а его товарищи принялись лепить саманные кирпичи. В такую стужу копать землю было сущим мучением, но замерзать никому не хотелось.

Река давно скована льдом, поэтому и людям, и коням воду приходилось добывать из прорубей. В некоторых местах лед был тоньше из-за постоянно разводимых костров, но всё равно требовалось немало сил, чтобы разбить его.

Ли Цинвэнь пошел за водой вместе с Цзян Липином. Увидев в ледяном окне проруби темные тени рыб, он едва не захлебнулся слюной. Он обожал рыбу, но за последние месяцы не видел даже плавника.

Его жадный взгляд не укрылся от Цзян Липина. Тот, вернувшись, тут же раззвонил об этом, и над мальчиком принялись подшучивать:

— Раз так рыбки захотелось, надо было давно к брату Цзяну идти. У нас в Хунчжоу рек полно, он бы тебя каждый день ухой кормил.

Цзян Липин, от которого за версту несло навозом, добавил:

— Еще не поздно. В реке рыбы тьма, пусть Цзян Цун поймает парочку, хоть разговеемся.

— Не надо! — испуганно вскрикнул Ли Цинвэнь. Провалиться в прорубь в такой мороз — не шутка, нельзя рисковать жизнью ради еды.

Посмеявшись, все снова вернулись к изготовлению кирпичей. Юноша думал, что разговор на этом и закончится, но на следующее утро Цзян Цун действительно притащил несколько крупных рыбин.

В руках у него была замерзшая, ставшая колом сеть. Ли Цинвэнь сразу её узнал: ночью он видел, как брат Цзян возился у костра с пеньковыми веревками. Кто бы мог подумать, что он плел сеть для рыбы!

<http://bllate.org/book/15828/1436782>